

Алеша Достоевского и Солженицына

Доклад прочитанный 29 июня 1972 г. на симпозиуме о Солженицыне в Norvitch University —

США. Печатается в сокращенном виде.

ПРИСТУПАЯ к обсуждению настоящей темы, я должен предупредить слушателей, что взгляды излагаемые мной не имеют абсолютного характера. В прямой речи автор повести «Один день Ивана Денисовича» не разъяснил подробно личность Алеши Баптиста, и поэтому я не решаюсь утверждать, что Солженицын признал бы мои доводы выражены ем своих мыслей. Но, несмотря на это, в чрезвычайно усеченной, схематически зарисованной личности молодого баптиста мне показалось возможным урвать образ Алеши Карамазова, попавшего в советскую действительность.

Натолкнуло меня на это и то обстоятельство, что в предисловии своего романа Достоевский говорит о Алеше как о герое будущего произведения, которое должно было, по плану автора, составить продолжение «Братьев Карамазовых».

Во-первых, я хочу коснуться самого имени «Алеша». Есть основание предполагать, что оно не случайно было дано Солженицыным молодому баптисту. В повести многие имена наполнены смыслом: они определяют своих носителей, и этот выбор обусловлен определенным творческим процессом. Что самому художнику это было далеко безразлично, видно из замечания Шухова: «Вот Бог шельму метит, фамильицу дал! иначе как волк, Волковой не смотрит!»

Возьмите Буйновского — капитан высокого ранга, который буйно протестует против шмона, за что попадает в карцер.

И еще такие имена как шакал-Фетюков» и Гопчик, который «как белка легкий». Все эти на именовании безусловно подобраны автором с особым вниманием. Это дает возможность утверждать, что и имя Алеши тоже подобрано не случайно. Оно выражает особый духовный тип человека: Человека Божьего, и этим скрепляет единую тождественность между Алешей Карамазовым и Алешей баптистом, несмотря на их расхождение в пространстве и времени.

Всякое наименование в конце концов есть суждение, иначе говоря — всякое имя имеет оной смысл — это и составляет, как выражается отец Сергий Булгаков в своем богословском труде «Философия имени», «внутреннюю форму имени». Имя Алеша, для юного Карамазова, так же, как и для молодого баптиста, облекается в одно общее понятие, перестает быть собственным и становится нарицательным: оно дается особому виду человека.

О жизни героя Солженицына, в противоположность Алеше Карамазову, мы ничего не знаем. Автор нам его преподносит уже духовно сложившимся, религиозно готовым.

Относительно Алеши Карамазова мы знаем, что он стал собою только благодаря некоему духовному посвящению, озарению свыше, чуду в Кане Галилейской. Что касается баптиста, его жизнь нам представляется скорее как житие: биография, которая есть описание временного, отличается от жития, которое раскрывает дух

ный, вечный облик человеческого естества.

Перехожу теперь к более осязательному сходству между этими двумя персонажами. Тон Достоевского наглядно повторяется в повести Солженицына. Порой мы находим прямое сходство в подборе прилагательных. Например, в начале повести «Один день» «Алеша баптист чистенький, приумный, читал свою записную книжку, где у него была переписана половина Евангелия». У Достоевского в 4-ой главе первой части «Братьев Карамазовых» мы находим следующие слова о Алеше: он «целомудрый и чистый». Оба автора употребляют то же качественное прилагательное для описания своих героев. Конечно, в обоих случаях мы имеем дело с чистотой духовной, тем более, что чистота в прямом смысле этого слова немислима для Алеши баптиста в лагерной обстановке. В той же 4-ой главе Достоевский определяет Алешу как «тихого мальчика», при этом он ставит эти слова в кавычках, придавая им особый переносный смысл. У Солженицына «Алеша тихий», но тут же автор дает следующее пояснение: «над ним не командует только кто не хочет».

У Алеши баптиста, как и у Алеши Карамазова, одинаково развита способность воспринимать красоту природы в религиозном смысле. Например, символика солнца имеет особое значение для обоих героев.

В своей обстоятельной статье «Преображение мира — природа в творчестве Достоевского»

проф. Плетнев, отводя значительное место символическому солнцу, пишет: «Изучая отзывы писателя о природе, прислушиваясь чутко к словам о мире-космосе и о человеке, мы приближаемся к глубине религии». И действительно, солнечный луч имеет религиозное значение для Алеши Карамазова. Вспомним его первое детское полусознательно-духовное переживание: «он запомнил один вечер, летний, тихий, отворенное окно, косые лучи заходящего солнца (косые-то лучи и запомнились всего более)».

В пятой главе, «Старцы», Достоевский возвращается к этому образу: «Может быть походящего солнца пред образом, к которому его притягивала его кликуша мать». Значение религиозно-космического образа солнца можно также подметить у Солженицына: «Солнце встает большое, красное, как во мгле... Алеша смотрит на солнце и радуется, улыбка на губах сошла...».

И еще одно сравнение. У Солженицына: «И вышла колонна в степь прямо против ветра, и против краснеющего восхода — голый белый снег лежал до края направо и налево, и деревца во всей степи не было ни одного». Тут невольно приходят на ум слова Достоевского в главе «Кана Галилейская», когда Алеша засыпает в келье старца, у гроба его: «А дорога... дорога-то большая, прямая, светлая, хрустальная и солнце в конце ее».

И Алеша баптист радуется солнцу, несмотря на холод, лед и молчание. Он сияет любовью и кротостью сквозь муки и ужас лагерной жизни. Тут вспоминаются напутственные слова Зосимы молодому Карамазову: «Много несчастий принесет тебе жизнь, но имиты счастливы будешь, и жизнь благословишь». И действительно, мне чудится, что Алеша

баптист исполняет великое по слушанию возложенное на Алешу Карамазова. «Баптист», пишет Солженицын, «мыслит Евангелие не вовсе про себя, а как бы в дыхании» (вспомните слова, которые поют в церкви: всякое дыхание да хвалит Господа). И Солженицын продолжает: «Только не ропсаялся бы кто из вас как Губица, или как вор, или как злодей, или как посягающий на чужое. А если как христианин, то не стыдись, но прославляй Бога за такую участь».

★

В СЕДЬМОЙ главе «Братьев Карамазовых» «Семинарист-Карьерист», Зосима в своем предсмертном напутствии опять обращается к Алеше: «Горе узреть великое, и в горе сем счастливы будешь... Около братьев будь. Да не около одного, а около обоих».

Относительно этих последних слов, я вполне разделяю мнение, согласно которому образцы Димитрия и Ивана Карамазовых являются в какой-то мере воплощением всего русского народа в его безудержности, безбрежности так же, как и в его исканиях, падениях, со мнениях и муках.

Митя задостыный и кроткий, жалкий и дерзкий грубиян, минутами почти преступник, способный плакать, каяться и нести свой крест. Иван, прототип русского интеллигента и русских мальчиков спорящих о Боге, о душе, о добре, о зле, — софист и диалектик, мученик идеи, и его атеистический аморализм: Иван томный, стойкий и жгучей метафизической и религиозной жадной, и которому дороги «клеящие распускающиеся весной листочки». Сколько в этих чертах есть обще-русского!

Около них, своих двух братьев и должен остаться Алеша. — И тут приходит на ум, что и

Алеша баптист служит в лагере своим братьям во Христе, и исполняет великое послушание возложенное на юного Карамазова. «Безотказный этот Алеша», пишет Солженицын, «о чем ни попроси».

Слово «безотказный» означает, что Алеша всегда живет для других. — Он преодолевает ограниченность личности самоотречением, и тем самым обретает подную внутреннюю свободу.

Он разъясняет Шухову сущность своего отношения к свободе, и осторожный, осмысленный Шухов, движимый утилитарной моралью лагерного общепития, в первый раз «раздумался», «уж сам не знал хотел ли он воли или нет». Солженицын прибавляет: «Не врет Алешка, и по его голосу и по глазам видеть, что радый он в тюрьме сидет».

В образе Алешки, Солженицын создал подлинного христианина, хотя его религиозность отправляется не от православного предания. Его духовное сознание не ограничивается рамками одного только из христианских исповеданий. Формально он принадлежит к баптистской общине, которая по своему существу является монашеской, если понимать это слово в его духовно-реальном, а не исторически-условном смысле. (Я говорю это на основании личных впечатлений, — путешествуя по Советскому Союзу в 1969 году мне довелось в этом убедиться.) И подвиг, который несет баптист, обычно исходит от внутренних побуждений, а не из послушания праву, кем-то когда-то принято, и кем-то когда-то утверждено.

Он стоит очень близко к религиозному течению «Евангельских Христиан». И тут напрашивается вопрос: не является ли Евангельским всякое христианство, поскольку оно основано на Евангелии и несет ми-

ру благую весть? Вспомним прощальные слова Зосимы монахам: «Толкните народу Евангелие неустанно» и Достоевский тут же продолжает: «многие дивились словам его и видели в них темноту». Эти слова по моему не относятся исключительно к Ферапонту, а имеют более обобщающее значение.

Как пишет Н. Лосский в своем труде «Достоевский и его религиозное миропонимание». «Без сомнения Достоевский полагают, что единство Церкви должно основываться не на подчинении внешнему авторитету, а на принципе соборности». Тут можно заметить, что в известном смысле тема Евангелия не одиночество, а община.

По характеру своей религиозности, Алеша баптист стоит очень близко к учению Зосимы и к вере молодого Карамазова. Этот религиозный образ стоит особняком от двух противоположных и весьма распространенных типов: с одной стороны проповедников свободы совести из интеллигентного индифферентизма, с другой — насильников совести из религиозного фанатизма, способных во имя общего благочестия причинить зло личности.

И тут мы сталкиваемся с тем духовным движением, которое носит довольно расплывчатое, еще не вполне оформленное название «христианский социализм». По этому поводу я должен сделать короткое отступление — я вполне понимаю, что многим представителям за рубежного русского общества, видящим цель своей жизни в протесте против коммунизма, слово социализм неприятно кобит слух. Но отказываться от традиционных словесных обозначений на том основании, что они были употреблены и по сей день употребляются в ложном смысле, неправильно. Иначе пришлось бы

отбросить многие определенные словесные концепты.

Идею религиозного социального служения можно найти в писаниях Достоевского. Н. Лосский говорит, что его «консерватизм как-то странно, причудливо переплетается в нем с мятежными и бунтарскими порывами». Н. Бердяев также отмечает, что «в теократической утопии Достоевского можно найти элементы христианского анархизма и христианского социализма».

Здесь, конечно, я не имею в виду тот слащавый, лицемерный и безобидный социализм, который исповедует, наподобие Руссо, что человек по природе добрый и что портят его лишь общественные условия.

Я также не говорю о том «рзовом православии», которым, со злой насмешкой, К. Леонтьев укорял Достоевского. Грядущий религиозный социальный пафос прорывается в связи с Алешей в следующих словах самого автора: «и будут любить друг друга, и не будет ни богатых, ни бедных, ни возвышающихся, ни униженных, а будут все как дети Божии. Вот что грезилося сердцу Алешки». Эта тема также проскальзывает и в Дневнике Писателя, от 1877 г., май-июнь, где можно найти следующие слова: «Человечество должно объединиться духовно и внутренне, и только потом в Христе и социальном».

Именно в образе и поучениях старца Зосимы и обрисовывается в общих чертах этот новый религиозный путь, путь иночества в миру, то есть путь социального служения. Руководящим началом для более точного обсуждения этого вопроса должны послужить слова Миусова, который говорит о том, как относится какой-то чиновник французской полиции к революционерам: «Мы собственно этих всех социалистов-анархистов, безбожников и

революционеров не очень опасаемся. Но есть из них, хотя и немного, несколько особых людей: это в Бога верующие и христиане, а в то же время и социалисты. Вот этих-то мы больше всех опасаемся, это страшный народ. Социалист-христианин страшнее социалиста-безбожника».

Тут напрашивается вопрос: каковы же мысли самого Достоевского? О них можно судить из ответа отца Паисия на слова Миусова: «то есть вы их прикладываете к нам, и в нас видите социалистов? — прямо и без обиняков спросил отец Паисий». Достоевский обрывает этот разговор приходом Дмитрия Карамазова. Но намек дан, хотя писатель ничего не утверждает окончательно. Возможность разрешения этого вопроса остается открытой.

Вотборческое коммунистическое правительство, наподобие французского чиновника, поняло, что наибольшую опасность для его разрушительной деятельности представляют не политические соперники, а смиренные праведники, которые борются силой Христовой любви, силой правды и молитвы. Этот религиозный социализм, к которому принадлежит Алеша баптист, возникает как новое религиозное течение, не совсем сходное с прежним понятием о сектантстве. Это течение не связано ни с каким государственным иерархическим строем; оно и опаснее для правительства, чем угнетенное, но почерпное иерархическое священство. У этого сравнительно нового религиозного течения нет духовного вождя, которым можно управлять, нет церковных представителей, которых можно обуздать, нет храмов, которые можно закрыть или уничтожить. В этом и состоит его опасность.

Перед тем как заключить, я коснусь разговора между Алешей баптистом и Шуховым от-

носительно «попов», — только «коснусь», так как не имею достаточно данных для его подробного рассмотрения. Это сложный и болезненный вопрос.

«Зачем ты мне о попе?» — говорит Алеша баптист, «их не сажают, потому что вера у них не твердая».

В России среди клира есть много мучеников и подвижников, но есть много отступников и предателей. К этим последним и относятся слова Алешки.

Состояние совести представителей государственной Церкви в СССР скрыто от нас. Только гонимые и преследуемые за веру, живущие в царстве красноты мрака, имеют право на голос. Этим, мне кажется, и оправдываются слова баптиста, а тем более слова самого Солженицына, который в своем великодушном письме кладет печать тягостного осуждения на главу внешнего церковного авторитета. Но мне представляется, что это письмо не есть расправа или отмщение, а скорее крик миранской души болеющей по Церкви.

Достоевский как и Солженицын в лице своих героев называют нам, как чистое и высокое должно войти в соприкосновение с загрязненным и низким. В этих образах раскрывается определенная связь, определенная соборность религиозной совести.

Да, как будто оправдались отрицательные пророчества Достоевского, попоран и поруган его идеал. Но поскольку будет жить Алеша, Матрены и сам Александр Исаевич Солженицын, багровая тьма не овладеет Светом. В этом мы можем найти и утешение, и надежду и призыв.